

Василий Чибисов

**Без
лишнего
скрежета**

*иронический
хоррор*

Василий Васильевич Чибисов

Без лишнего скрежета.

иронический хоррор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21127152

ISBN 9785448315220

Аннотация

Светлана Озёрская продолжает изучать страхи семейства Ерофеевых. На этот раз под прицелом психотерапии оказывается девушка Лиза и её нехорошая квартира. Озёрской помогает Игнатий – худший друг и лучший коллега. Он гипнотизирует Лизу, чтобы обнаружить тёмные пятна в её памяти. Ожившее прошлое начинает свободно разгуливать по квартире...

Содержание

Игнатий!	5
В горках	10
Не очень бедная Лиза	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Без лишнего скрежета иронический хоррор Василий Васильевич Чибисов

*Ребенок, боявшийся темноты,
кричал в соседнюю комнату:
«Тетья, поговори со мной!*

Мне страшно.

*Когда кто-то говорит,
становится светлее».*

Фрейд. Лекция о страхе

С третьего щелчка

Отшибло ум у старика

Пушкин. Сказка о Поне

© Василий Васильевич Чибисов, 2016

ISBN 978-5-4483-1522-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Игнатий!

Элитный жилой комплекс «Тихие горки»

2017, март, 13

– Игнатий! Будь серьёзней. Там острое пограничное состояние. Мы обязаны помочь.

– Помочь скрытно пересечь границу?

– Игнатий!

– Всё, всё. Я сама мать Тереза. Кстати, а к кому Тереза, мать, сейчас едет?

– Понимаешь, во время конференции мне позвонила Роза...

– О! Так с этого и надо было начинать! Вот почему ты сбежала с моего выступления! А я уж было решил, что тебе не понравился мой доклад про бедную Сарочку.

– Положим, докладчик из тебя действительно отвратительный.

Мужчина не ответил и сверился с навигатором.

– Все эти конференции с подчеркнута вежливыми дискуссиями – полный театр! – вспомнив давний клинч с коллегами, вскипела Светлана.

– Угу.

Универсальный по своей бессодержательности ответ лучше всякой спички поджёт пороховой склад прошлых обид.

Светлана затараторила гнусавым голосом, пытаясь спародировать всех своих недоброжелателей разом.

– А не изволите ли ответить на этот каверзный вопрос, который не имеет отношения к Вашей теме, но который я готовила три дня, специально чтобы Вас завалить? – темп её речи всё ускорялся. – А не угодно ли повторить пятую фразу с конца после предпоследней паузы, я не расслышал? Нет, не угодно! Это Вам угодно сейчас пойти в пи...

– ...писк мобильного был слышен всем в зале, – напомнил Игнатий.

– Да? – нервно моргнула Озёрская. – Ну, кто-то должен был дать звонок на второе действие.

Когда эта заядлая театралка в последний раз была на какой-нибудь модной премьере? Страшно вспомнить. Пора завязывать с конференциями, нечего тратить на эту низкопробщину время.

– Может, не на второе действие, а на антракт?

– Для Розы и её родни антрактов пока не предусмотрено. Там с конца прошлого года не жизнь, а сплошная клиника.

– С конца прошлого века, если точнее.

– Игнатий!

– Ну не перевариваю я твою Розу.

– От твоего пищеварения никто не требует таких подвигов. То, что у тебя на сайте написано «доктор Лектер», еще не делает тебя всеядным гипнотизером.

– Вспомнила тоже. Да этому сайту лет больше, чем тебе.

– Игнатий! – укоризненно протянула старшая по неврозам. В такие моменты этических упреков Светлана была похожа на печально известную ламу, пусть и без шляпки.

– Ой, прости. Ну конечно же, ему **меньше** лет. Меньше раз так в...

– Игнатий! И вообще, мы не к Розе едем, а к её внучке. Да что ты всё смотришь в этот навигатор? Упражняешься в гипнозе при каждом удобном случае?

– Пытаюсь понять, где эта внучка живет, – огрызнулся Игнатий. – Нет на карте этого тихого холма.

– Не тихий холм, а тихие горки. Ты давай рули. Координаты финиша заданы, трасса свободна.

– Трасса свободна, да...

На столичных дорогах был вечер.

– В общем, что я поняла из пятиминутки мольбы о помощи. У той девушки индуцированная фобическая истерия с элементами бреда преследования, предположительно с вытесненной травмирующей конstellацией.

– Светлана Александровна, ну что ты опять неприличными иностранными словами выражаешься? – нарочито обиженным тоном произнёс Игнатий.

– Да вот же, дурында я старая! Конечно, речь не о диагнозе сейчас. Просто Лиза уверена, что в квартире что-то поселилось. Ну знаешь, как это бывает? Кто-то скребется, из темноты смотрит.

– Конечно знаю. Сколько раз такую нечисть изгонял. Си-

лой святых и животворящих нейролептиков.

– Игнатий! Ты как с цепи сорвался. Тебя никто не заставлял меня подвозить.

– Ах! Всегда знал, что ты бессовестно манипулируешь своими коллегами! – он страдальчески поднял брови домиком, – Ну уж нет. Мне последнее время везет на психиатрический экзорцизм. Не могу упустить такой лакомый материал для статьи о роли оккультных фантазий в патогенезе паранойи. Если я не ошибаюсь, там у всего семейства особенная любовь к фобиям с мистическим содержанием? Ты рассказывала про какую-то там чучелку, которая бегала то ли за Розалией, то ли за её дочерью, то ли за внуком...

– За всеми понемногу.

– Изумительно.

– Сейчас не о чучелках речь. Кстати, ты не говорил, что пишешь статью про оккультные фантазии.

– Говорил.

– Когда?

– Сегодня, во время доклада. Ты как раз выходила. Так, сейчас будет интересный маневр.

– Ну, если рассматривать паранойю как персекуторную атаку на фигуру матери-твоей-божьей-святые-образа-икрест-тебе-в-петлицу-раком!!!

Маневр действительно был интересным. Озёрская от интереса вжалась в сидение и зажмурилась. Как бы она ни устала от собственной жизни, смерть казалась ей ещё более скуч-

ным мероприятием.

– Можешь открывать глаза. Всё равно в ад тебя не пустят. Живи, мучайся, как все, – усмехнулся Аннушкин. – Я нашёл удачный поворот. Мы почти на месте, хотя навигатор клятвенно обещает нам оказаться в самом сердце промзоны.

– Надо будет заверить завещание, когда снова с тобой куда-нибудь поеду.

– Что мешает тебе держать водителя?

– Сама не знаю. У меня почему-то возникают стойкие ассоциации с содержанием диких животных в неволе. По этой же причине у меня нет прислуги.

– И поэтому дома всегда срач.

– Игнатий! А когда я в последний раз сдавала на права, то у инструктора был вид... ну, почти такой же, как у меня минуту назад. Только он громко молился.

Остаток пути прошёл в молчании.

В горках

Обычно Светлана Александровна Озёрская принимала пациентов у себя в кабинете. Само собой, сеансы не предполагали посторонних. Но если уж нарушать правила, то все разом.

На конференции по массовой истерии Света встретила своего друга и коллегу. Игнатий Аннушкин когда-то проходил у неё практику и по её же протекции попал в докторантуру к профессору Кибицу. По совету своего наставника, Игнатий вовремя бросил и психиатрию. И стал гипнотерапевтом. Да, обычным гипнотерапевтом. Лучшим в России.

И раз уж Светлана опять нашла какие-то приключения на свою медленно угасающую карьеру, то почему бы не поучаствовать? Один разочек. Для разнообразия. А потом вернуться к практике и дописать наконец пятую книгу по психосоматике.

Никакой промзоны, обещанной навигатором, поблизости не было. Вот контрольные пункты были. И идеально ровный участок шоссе, словно перенесенный из другой реальности – был. Если забыть о том, в какой стране находишься, то Тихие Горки вполне можно было принять за пригородный район Нюрнберга. Или Гааги.

– Мне вот интересно, – Игнатий помог коллеге выбраться из машины. – Если они все из себя такая элита, то поче-

му живут здесь, у самой границы мкада? Да еще в обычных многоквартирных домах.

– Обычных? Я бы не спешила с громкими заявлениями. Роза мне рассказывала об истории и концепции городского Эдема. Этот небольшой клочок земли недоступен для спутникового наблюдения. Во всех документах и, что важнее, иностранных базах, территория принадлежит давно заброшенному заводу-гиганту.

– Тогда не проще ли жить в особняке?

– Есть у здешних жильцов и особняки, и всё остальное. В избытке. А вот информационно непроницаемой территории на всех не хватает. Они же не члены правительства, а всего лишь финансовая опора страны. Им надо где-то пережить народные психозы, как сейчас. К тому же, эти господа боятся одиночества.

– А вот темноты, похоже, не очень. Даже фонари не горят. Чтобы найти нужный дом, коллегам пришлось идти от подземной парковки через сквер. Близорукая Озёрская перла наугад, натренированная прогулками по лесопарковой зоне своего психологического центра. Быстро темнело, а винтажные фонарные столбы решительно молчали.

– Безлюдно тут.

Светлана не ответила. Ей-то было очевидно, что перевалочная база создана не для прогулок. И как только игра в прятки заканчивается, ничто уже не может удержать основной контингент в пределах района, столицы или страны.

Поэтому логично, что большинство квартир здесь брошены. Или предоставлены в безвременное пользование близким родственникам. Как в случае Лизы. А вот и её дом. Пять этажей, неоклассический стиль, единственный подъезд, больше похожий на соборные ворота. От фасада отпочковалась башенка с часами.

И никакого освещения.

В парадной два охранника, при свете диодного фонарика, рублились в подкидного.

– Кто здесь?! – встрепенулся секьюрити.

– Озёрская, Аннушкин. К Ерофеевой.

– Вот это да!

– Вас разве не предупредили?

– Предупредили. Но я не про это. Как Вы вошли?!

– Через дверь.

– Ну дык она ж на магнитном замке. И верещит, когда её открывают.

– Лёх, ты чего, света нету, – второй секьюрити оказался сообразительней.

– А, точняк. Вы, это, извиняйте. Диверсия. Во всем комплексе нет света.

– Лёх, ты чего, зачем сразу пугаешь? Может, забастовка очередная.

– А, точняк. Бастуют же все. Погодь, а мы почему не бастуем?

– Лёх, ты чего, нам же деньги хорошие платят.

– А, точняк. Но по мне всё равно диверсия. Потому что зачем в охраняемом доме на охраняемой земле еще и магнитный замок? А затем, что шнырять стали по подъезду непонятные какие-то личности. Жильцов пугают. А мы почему-то никого до сих пор не поймали. Вот эти личности свет и вырубили.

– Лёх, ты чего, камеры же никого не зафиксировали. Сказало начальство, что это психологический эффект.

– А, точняк. Вы, это, психологический эффект изучать пришли?

Светлана и Игнатий переглянулись и кивнули, словно оба этих действия могли иметь смысл вне светового пятна от фонарика.

– Лёх, ты чего, ну кто ж так спрашивает?

– А, точняк...

Не теряя драгоценного времени, исследователи психологических эффектов поднялись на последний этаж. Игнатий был в чем-то прав, говоря об особняках. На каждом этаже была ровно одна квартира.

– Я уже подумала, что Вы заблудились и не приедете, – встретила их миниатюрная смуглая девушка, одетая в ночнушку и держащая большую ароматическую свечу. – Проходите скорее. Вау!

Последнее восклицание относилось к вошедшему следом за Озёрской гипнотерапевту.

– Я не успела предупредить Вашу бабушку, – виновато

развела руками Светлана. – Это мой бывший ученик и нынешний коллега, Игнатий Валерьевич Аннушкин. Не беспокойтесь. Он может и не участвовать в нашей работе.

– Я не беспокоюсь! – весело засмеялась девушка. – Вам сам бог велел работать в паре. Просто вылитые Пинки и Брейн! Хи-хи... Идёмте на кухню. Там безопаснее.

Пациентка убежала куда-то в глубь тёмной квартиры, оставив врачей в некотором недоумении. Озёрская, по понятным причинам, не была в курсе молодёжной культуры. Её собственная дочь, едва достигшая среднего возраста, отличалась редкостным консерватизмом и некоторой социальной дремучестью. Что уж говорить о самой Светлане. Но даже она что-то слышала об амбициозных лабораторных мышах.

Заклятая парочка действительно производила яркое впечатление, особенно при совместных докладах или супервизиях. Низенькая, с безнадежно испорченной фигурой, спрятанной за похожим на балахон белым халатом, Светлана никогда не любила смотреться в зеркало. Она носила неприлично дорогие и брендовые вещи, но поверх них всегда развевался этот вечный накрахмаленный монстр, похожий на плащ-палатку. А волосы? Никакая краска не могла перекрыть их иссиня-чёрный цвет, который приводил в ужас многих суеверных пациенток. Причёска чем-то напоминала каре известной французской певицы, с той разницей, что певицы следят за прической.

То ли дело Игнатий! В свои сорок с небольшим он выгля-

дел лет на тридцать. Высокий стройный блондин, даже брови по-есенински золотые. Ухоженный, с изысканными манерами, гипнотизирующим голосом, плавными движениями.

Контраст наблюдался и в профессиональных наклонностях.

Аннушкин глубоко и безвылазно закопался в психиатрию, его манили самые тёмные стороны человеческого разума, способность психики к внезапному и изощренному самоубийству. А ещё он обожал гипноз. Игнатий выплавил из различных техник свой собственный терапевтический инструмент. Коллеги ему страшно завидовали, кривясь и морщась при виде каждой новой монографии. А делиться своими мыслями и практическими победами Аннушкин любил. Пусть читают. Всё равно не поймут.

Озёрская довольствовалась классической терапией, не прибегая к трансовым техникам. Но она наполняла консультационное пространство такой теплотой и позитивом, что многие невроты просто распались изнутри под напором проснувшихся у клиента душевных сил.

Единственным значительным сходством был высочайший уровень мастерства. График приёма у обоих был расписан на полгода вперёд. Расценки не рекомендовалось озвучивать народным массам, дабы не провоцировать нового витка волнений.

И после насыщенного рабочего дня эти двое, не задумываясь и не сговариваясь, набросились на новый запутанный

случай возможного психического расстройства. Мыши занимались тем же, чем и каждый вечер: изучали чужое безумие.

Не очень бедная Лиза

– Никак не привыкну к роскоши. Это Лене бабушка помогала с самой перестройки. А мы с матерью жили весьма скромно до самых двухтысячных. Особенно когда папа нас бросил, мы с мамой лет десять едва сводили концы с концами. Я хорошо помню, как мы двадцать первый век встречали. Били куранты, а мать попросила меня загадать желание, чтобы мы до конца весны дотянули. У меня всегда желания сбываются.

Взгляд Лизы был прикован к кухонной двери. По рукам то и дело пробегала волна тремора. Она вслушивалась. И звук собственного голоса придавал ей уверенности. Светлана уже начала надеяться, что всё разрешится просто благодаря её присутствию. Так часто бывает при неврозах.

– Сбылось. Дотянули. Что-то действительно произошло. Уже в середине мая заявляется бабушка. Лично. Это была наша первая встреча. По-моему, я ей совсем не понравилась. Может, манерами не вышла или умом. До сих пор губу кривит в мою сторону. Ну да это её проблемы. Главное, что у мамы вдруг оказались в собственности несколько строительных компаний. И понеслось. Не поймите неправильно: деньги никто никому не раздавал! Потом мама мне призналась, что это был такой эксперимент. Ленка провалила несколько ответственных проектов, вот и решили про старшую сест-

ру вспомнить. Да и Ленкиной стихией была скорее фармацевтика. Не знаю, чего она... Наверное, бабушка настояла на своем, как обычно.

Светлана только кивала. Бабушка, то есть Розалия Соломоновна Альтберг, могла настоять на чем угодно. Пожилая фрау сама выстроила целых четыре карьерных монумента: строительный бизнес старшей дочери – раз, фармацевтический холдинг младшей – два, видное место в немецкой политике для себя – три, закулисную роль в политике российской (тоже для себя) – четыре. Альтберг была душой перестройки. В девяностые именно она, спокойно покуривая набитую черным-пречерным табаком трубку, занималась разгребанием экономических конюшен новорожденной федерации.

Поняв, что новоявленным реформаторам более подходит называться деформаторами, она занялась последовательным политическим истреблением вчерашних учеников. Сейчас, в самый разгар революции лисьих хвостов, российская власть с удовольствием вкушала плоды трудов немецкой гражданки. Партия «Правая инициатива», выпестованная Розой, единственная на правом фланге оставалась верна Кремлю.

Обо всём этом Лиза не знала. И вряд ли этой милостивой девушке было дело до всего этого. Не знала она и истории о том неудачном проекте, который не осилила Лена Ерофеева, младшая дочь Розы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.